

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ЕСТЕТИКИ ТА ПОЕТИКИ ЛІТЕРАТУРНОГО ТВОРУ

УДК 826.161.1/82-1

Н.И. ИЛЬИНСКАЯ,
*доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой иностранных языков и литературы
Херсонского государственного университета*

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ТОТАЛИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОЭЗИИ Т. КИБИРОВА

В статье рассматривается тип внеконфессиональной религиозности, присущий тоталитарной культуре, и его деконструкция в поэзии Тимура Кибирова. В результате анализа сделан вывод: наряду с деконструкцией стереотипов и штампов массового сознания в религиозно-поэтическом сознании автора зафиксирована культурная преемственность с русской духовной традицией, что проявляется на идеологическом, тематическом, образно-семантическом уровнях, в жанровой «памяти» его произведений.

Ключевые слова: массовое сознание, внеконфессиональная религиозность, деконструкция, христоцентризм, эсхатология, культурная преемственность.

Возникший «как эстетическая реакция на «зрелый» социалистический реализм, на искусство застоя и его реальность» [1, с. 137] концептуализм – первое или одно из характерных проявлений русского постмодернизма [2, с. 272], его «радикальнейшая русская версия» [3, с. 275] – немислим без своего «двойника» – советской культуры («тоталитарная культура», «тоталитарное искусство» (Е. Добренко), «литература тоталитарного типа» (Т. Гундорова) в иных кодификациях). Как известно, концептуализм в качестве материала использует идеологемы, мифологию, клише и штампы массового сознания, знаковые явления культуры «победившего утопизма», подвергая их десакрализации. Особый интерес представляет деконструкция базовых концептов и установок массового сознания, аккумуляровавшего черты внеконфессиональной религиозности, которая содержится в доктринальном учении (марксизме-ленинизме) и тоталитарной идеологии, а художественном воплощении – в литературе / культуре соцреализма. Именно этот аспект является предметом изучения в настоящей статье.

Феномен русского «коммунизма как религии, а он хочет быть религией» (Н. Бердяев) отрефлектирован исследователями в разное время и под разными углами зрения (Н. Бердяев, Б. Гройс, Т. Горичева, И. Есаулов, А. Грицанов, И. Яковенко, Н. Хренов. Так, современные философы по ряду эсхатологических и сотериологических признаков трактуют коммунистическую идею как «разновидность христианских ересей» [5, с. 495]. Иной подход предлагается Б. Гройсом. В его культурологической схеме насыщенность сталинской культуры христианской символикой выводится не из теологического прошлого вождя или фрустрированной традиционной религиозности русского народа, перенесенной в новые условия; источником являются скрытые мифологемы авангарда – миф о Боге-художнике, жизнестроительные интенции (заметим, сходные позиции характерны для работ И. Смирнова, Б. Парамонова, В. Тьюпи). Показателен акцент исследователя на мистической, религиозной

компоненте русского авангарда, наиболее ярко воплотившейся в культе демиурга, завершающем важнейший творческий импульс авангарда в тоталитарной культуре [6, с. 93, 162].

Рассматривая «религиозный вектор советской литературы», И. Есаулов считает «советскость» духовным феноменом XX ст., разновидностью светской религии, структуру которой составляет «доктрина коллективизма и особая оригинальная вера, подкрепляемая своим собственным мифологическим пантеоном (курсив автора – И. Есаулова) [7, с. 160–161]. Духовной доминантой советской мифопоэтической системы, по мнению И. Есаулова, является последовательное антихристианство и искоренение православного сознания (срв. у Н. Бердяева: «...как лжерелигия коммунизм преследует все религии, преследует как конкурент» [4, с. 242]). Исследование «религиозного вектора» проводилось на знаковых текстах социалистического реализма (поэзия В. Маяковского, Э. Багрицкого, Вл. Сосюры, В. Брюсова, проза М. Горького) и современной литературы не касалось.

В центре нашего внимания – тип внеконфессионально-религиозного сознания, зафиксированный в сакрализованной реальности тоталитарной литературы как отражение «предельной, апофатически-юродивой формы Соборной, Отцовской религии» [8, с. 66], ставшей предметом деконструкции в концептуализме. Подчеркнем ее ярко выраженный синкретизм: это модификация гностических идей неприятия ущербного, погрязшего в пороках и зле Божьего мира, который необходимо уничтожить «до основания»; трансформация мифа о демиурге; гностического толка дуалистическое разделение человеческого существа на дух и плоть. При этом естественные потребности последней «упраздняются» до минимально-аскетических и рассматриваются как нечто второстепенное, мешающее духовному восхождению к высшим идеалам; разделение мира как арены постоянной борьбы на две оппозиции, маркированные соответственно понятиями добра / Света (тоталитарная система) и зла/Тьмы (все остальные); секуляризированный в марксистском учении иудейский хилиазм – вера о возможности построения тысячелетнего царства, в категориях тоталитарной идеологии «рая на земле»; ветхозаветные и христианские вероучительные модели, этические концепты в инверсированной семантике («тоталитаризм есть обратная сторона христианства», по Бердяеву).

Исследование стереотипов массового сознания советской эпохи, расшатывание и перекодировка коммунистического метанарратива рассмотрим на материале стихов Т. Кибирова – наиболее репрезентативных для исследования поставленных проблем с точки зрения тематического содержания, стилистической и жанровой специфики.

В изучении поэзии концептуалистов, отмеченной чертами постмодернистской эстетики, неизменно возникает проблема использования категориального аппарата. Особенно сложно соблюсти «чистоту исследовательского жанра» тогда, когда речь идет о пограничных и переходных ситуациях и творчество автора не укладывается в прокрустово ложе одного стилистического течения, что в полной мере относится к поэзии Т. Кибирова. Так, изначально поэт проведен по концептуалистскому ведомству, а затем «каталогизирован» как постконцептуалист, или приверженец «новой искренности» (М. Эпштейн); назван «поэтом критического сентиментализма» (С. Гандлевский); жанрово определен как иронический элегик (О. Чухонцев); обозначен в качестве представителя третьей волны русского постмодернизма (И. Скоропанова), синтезировавшего некоторые эстетические принципы концептуальной поэтики и приспособившего их к задачам поэтики традиционной. Повидимому, наиболее взвешенной следует признать точку зрения Д. Бавильского, согласно которой поэт Т. Кибирова – «компромисс между концептуалистами, с одной стороны, и неоклассиками «Московского времени», с другой». Концептуалисты «подарили» Кибирову умение выстроить жесткий, и, по сути, весьма далекий от поэтического каркас, методологию. Влияние «неоклассиков» просматривается в стремлении «насытить этот скелет достаточно трепетной плотью, «виноградным мясом» поэзии, вдохнуть в головные конструкции жизнь» [9, с. 23].

Немаловажной является самоидентификация Т. Кибирова, который формулирует свое эстетическое *sredo* как стремление к пушкинской простоте, «вращенной на сложной игре смыслов и стилей, построении новой системы отношений между автором – текстом, читателем. Спокойное обращение к табуированным темам, жанрам, лексическим пластам...,

реанимация пафоса и сентиментальности». Несколько ранее в одном из интервью поэт высказывается еще определеннее: «...я называю себя традиционным поэтом потому, что я добиваюсь в своих стихотворениях того, что я испытал от чтения классических стихов, когда мне было лет 14–15. ... Поэтому, несмотря на то, что по технике я пересекаюсь с любимыми мною поэтами-концептуалистами, по глубинной сути своей я традиционен» [11, с. 214].

Смысл проведенного исследования отнюдь не в стремлениях к классификациям, не говоря уже об издержках «инвентаризации» для любого поэта. Наша стратегия – выработать методологические принципы и адекватный научный аппарат для описания такого многогранного явления, как новейшая русская поэзия, отражающая состояние «кризиса и промежутка» (А. Гольдштейн). Отрицание устаревшей и деконструируемой мировоззренческой и художественной парадигмы связано с сохранением специфических черт переходности. Скажем, идиостилистику Т. Кибирова можно описать, воспользовавшись «джентльменским набором» основных постмодернистских концептов, как-то «деконструкция», «двойное кодирование», «травестийная центонность», «ирония», «интертекстуальность», которые воспринимаются как неизбежные метафоры постмодернистского дискурса, или как составляющие «матрицы», которой можно «поверить» гармонию русского постмодернизма на предмет соответствия/несоответствия западным образцам. Между тем одним из главных признаков традиционной поэтики в идиостиле Т. Кибирова является ярко выраженная авторская позиция. Всем постмодернистским «смертям назло» жив лирический субъект, максимально приближенный к реальному автору (срв. круг лиц, близких и единомышленников, к которым он шлет свои многочисленные «послания», посвящения, упоминания поэта о «чадах и домочадцах» и даже об овчарке Томе). Т. Кибиров не проводит экспериментов по деконструкции «лирического элемента» и снижению пафоса, тем самым как бы предвосхитив тенденции развития современной поэзии начала XXI века.

Укорененность Т. Кибирова в русской поэтической традиции, помимо самоидентификации автора, демонстрирует аллюзивно-реминисцентный репертуар, охватывающий практически весь контекст русской и мировой культуры: библейскую топику, духовные стихи из русского религиозного фольклора, популярные или известные преимущественно специалистам интертекстуальные источники. В исследовании духовно-культурной преемственности в поэзии Т. Кибирова литературоведами артикулированы такие ее аспекты, как мотивы детства, «странной любви» к родине-России, «тема творчества, предназначения поэта и поэзии», воспевание «мещанского» быта в цитатных образах русской литературы, посредством которых реализуется причастность автора к «классической традиции русской литературы» [12, с. 505–537]. Заметим, культурная преемственность сохраняется по-этом и в следовании ценностным ориентациям, присущим русской литературе, в противовес размытости и релятивизму современной социокультурной ситуации, что проявляется в напряженных поисках Абсолюта, в утверждении приватного существования в координатах христианской этики.

Несмотря на то, что о творчестве Т. Кибирова написано немало, специфика религиозно-поэтического сознания поэта, его художественная реализация, представляющие для нас непосредственный интерес, системно не исследована. Отдельные наблюдения имеются в монографии М. Берга [2], статьях А. Немзера [15], Е. Ермолина [16], содержатся в размышлениях самого автора. Как представляется, высказывания Т. Кибирова относительно его «символа веры» отражают характерную для постсоветской культуры ситуацию: сожаление по поводу отсутствия глубокой веры в Спасителя, поскольку «какие-то отношения с Господом Богом есть у всех», и признание в «христианской морали, космологии, метафизике единственной из всех известных систем восприятия мира, не вызывающих протеста» [17, с. 171]. Заметим, поиски Абсолюта, вполне серьезные и порой драматичные (несмотря на ироническую игру слов, связанную с известной торговой маркой), представляют магистральную линию в корпусе его стихов, начиная с малоизвестной поэмы «Рождество» (1985) и заканчивая последним в сборнике «Кто куда – а я Россию...» стихотворением со знаковым названием «Большое спасибо, Создатель...» [18, с. 500–502].

Религиозно-поэтическое сознание Т. Кибирова включает разнообразные модусы отношения со Всевышним – от страстной мольбы наполнить душу верой и Божьим присут-

ствием, по силе напряжения сравнимой с образцами библейской поэзии («Созижди, Отче, чудеса в душе моей...»), от надежд на соборное единение и возрождение России в единой вере Христовой, на Спасение памятью о Фаворском свете и Голгофе («Русская песня», поэма «Рождество», послание «Л. С. Рубинштейну»), псалмопевческого приятия Божьего мира, воспевания в розановском духе радостей приватного бытия как части богоданного творения («От благодарности и страха...», «Зимний снег и летний зной...», «Парафразис», «Послание Ленке», «Памяти любимого стихотворения»), от взгляда на христианство как на духовную силу, способную вывести постсоветский социум из морока язычества и богоотступничества («Лесная школа») до богоборческих обвинений в равнодушии к человеку и допущении «апокалипсиса» в отдельно взятом районе столицы и стране, в катастрофичности и распаде («энтропии») бытия и личности («Воскресенье», «Денису Новикову. Заговор», «Русофобская песня», «Вечернее размышление»). Наряду с хвалой провозглашаются инвективы, сопряженные с мотивами трагической богооставленности, сомнениями в Божьей милости, возможности прощения в ситуации «конца». Его приближение поэт драматически ощущает в действительности и моделирует в художественной реальности, используя политизированные интонации соц-арта, ироническое пересмешничество, постмодернистскую полистилистику («Христологический диптих», «Ответ Ю. Ф. Гуголеву», «Щекою прижаться к шинели отца...», «Что «симулякр»? От симулякра слышу!»).

Религиозно-поэтическое сознание Т. Кибирова, несмотря на его неканоничность, демонстрирует причастность к русской религиозности прежде всего ярко выраженным христоцентризмом и эсхатологической компонентой, что типологически сближает его с духовно-интеллектуальными движениями и мироощущением начала XX века, в которых, выступая специфической ментальностью лимитрофа или порубежья [19, с. 159], эсхатологическая перспектива фиксируется не менее напряженно. Христоцентризм проявляется в ориентации автора на этические константы Нового Завета: всепрощение, сострадание и милосердие, таинство евхаристии, пасхальность («В Царстве Божиим, о Лева, / В Царствии Грядущем том, / Лева, нехристь бестолковый, / спорим, все мы оживем»), в обращении к образу младенца-Иисуса (наиболее показательно для раннего Кибирова). Сакральный центр сознания лирического субъекта, за которым скрывается «Божество иль Абсолют, как подчас Его зовут», маркирован именем Иисуса. Напряженное Богопознание «провоцирует» ряд «детских», по слову А. Блока, вопросов, видимому, не случайно ритмически оформленных Т. Кибировым под считалочку: «В чем смысл жизни, т. е. как /исхитрить» нам с тобой/ прошмыгнуть сквозь этот мрак / к этой бездне голубой»; «скостит» ли «чутьочку Иисус» за смирение и простоту в предстоящем воздаянии или все надежды тщетны? Чего ждет от человека Бог – поклонения и верности или уже давно разуверился в человеческой природе? И, наконец, самое главное – вполне вероятно, что Рай / Ад – вообще досужая выдумка. А если нет?

За иронией, ерничеством и легкостью словесной бравады, соответствующих жанру послания, скрывается эпистимологическая неуверенность, напряженные размышления о «памяти смертной»: «Перетерли про любовь /, про ризому, про Творца. /... Хронос, топос и хаос / логос, голос и Христос / кого хочешь выбирай! / Выбирать-то страшно, брат» («Ответ Ю. Ф. Гуголеву») [18, с. 440]. Как видим, осознание ответственности за свободный выбор (этический постулат Нового Завета) в ситуации уравнивания верха и низа: «Вновь релятивизмом кичится Пилат», божественного и дьявольского: «Бога славим – гоп-ля-ля! Бесов тешим – ай-лю-лю», сопряженной с аннигиляцией иерархичности в экзистенции личности, выступает характерной особенностью религиозно-поэтического сознания Т. Кибирова, поскольку его носитель – человек определенных устоев, не «раскачающийся» между добром и злом: «По ту сторону зла и добра / не отыщешь ты, Фриц, ни...» [18, с. 414].

Следует отметить и такую особенность христоцентризма Т. Кибирова, как актуализация рождественской темы («Рождественские аллегии» (I, II, III, IV), «Рождественская песнь квартиранта») и образа чудного Младенца (поэма «Рождество», «Христологический диптих»), что также вводит его поэзию в духовно-культурное пространство русского модернизма. Заметим, цикл «Рождественские аллегии» [20] при первом приближении едва ли может быть идентифицирован в русле традиции праздничной литературы, по-

скільки на поверхності – негативно-критическая оцeнка позднесоветской действительности, вдохновленная соц-артовским пафосом и сарказмом, сопряженными с болью и страданием. И тем не менее можно выделить отдельные типологические признаки жанрового канона календарной (рождественской или святочной) поэзии. Так, поводом для создания цикла является обращение к празднику Рождества. Сакральный смысл этого События еще ярче освещает убогость существования старой алкоголички, для которой рождественское чудо – это трезвость ее и гостей; одиночество в Святой вечер обманутого ветерана; пьяный кураж подгулявших накануне праздника агрессивных подростков; рутинное существование «выдрессированной» советской системой «училки – свинки морской», с ее редуцированными представлениями о «духовности». Поэт актуализирует традиционные рождественские мотивы и образность, например, мотив чуда, которое поможет преодолеть мерзость обыденности, мотив надежды на изменения благодаря рождению Спасителя и евхаристическому освящению мира: «И вотще Борей ярится – / в горло сжатое струится / обращенная водица Светлых Именин» [20, с. 105], несмотря на аннигиляцию пафосности; мотив духовного (христианского) возрождения, связанный с вневременным событием Рождества: «Снова рожден Царь Небесный» [20, с. 106], аллюзивно воссозданный в знаковых для русской культуры образах «убийцы и блудницы»; образ рождественской звезды, демонстрирующей единение Отца и Сына, сакральный знак Высшей святости.

Напомним, что доминирующий в жанровом каноне рождественский мотив – это евангельская история о приходе в мир Спасителя. В поэме «Рождество» Т. Кибиров создает визионерские ахронные картины, мир вне хронологических рамок как некое пространство, состоящее из советских вождей «всех времен», травестированных в псевдо-волхов, и народа. Поэтическая ситуация явления Богородицы с Младенцем Иисусом, слезы радости, струящаяся тишина и чудо, что «совершалось теперь между толпой безмолвной и Матерью с Дитем» может быть прочитана в аллегорическом модусе возрождения веры в постсоветском социуме. В этой связи отметим такие константные признаки жанра, актуализированные Т. Кибировым, как сочетание сентиментальности и дидактичности, наличие фантастического элемента и пародирование. Таким образом, в разработке автором рождественской темы следует отметить сочетание традиции календарной литературы модернизма с элементами обновления жанрового канона за счет привлечения тематически новых источников и приемов поэтики.

Религиозно-поэтическое сознание Т. Кибирова отмечено актуализацией эсхатологической компоненты, фиксирующей переход «от конкретной идеологии к ситуациям идеологизации», которые «... осмысливаются в рамках эсхатологической парадигмы и провоцируют эсхатологические настроения» [19, с. 155]. Особенно ярко это наблюдается в его раннем творчестве. Показательный пример – «Христологический диптих», в котором визионерское сознание поэта воссоздает апокалиптическое видение – битву между силами Зла, в соц-артовском ключе персонифицированных в образах коммунистических вождей: Сталина на Бледном Конне, Хрущева в сонме ангелов бездны, наконец, в образе самого Царя тьмы – Сатаны, разверзающего врата ада, и силами абсолютного Добра в облике Младенца Иисуса. Конец времен невыносимо страшен – и это состояние лирического героя отражает предельно заостренная эмоциональность на грани истерии (обилие конструкций с восклицательной интонацией, экспрессивная лексика). Не менее драматичны переживания лирического субъекта, вызванные состраданием предстоящим голгофским мукам Иисуса, которого снова предадут «здесь и сейчас»: «Он в яслях беззащитен и наг/ Он опять пропадет ни за грош». Трагизм ситуации усиливается легкомыслием современного социума, «постыдно равнодушного» к добру и злу, в силу «беспастырности» и атеистического сознания не чувствующего приближения Зверя: «И уже никого не найти, / кто бы спрятал младенца Христа / под рубахой на потной груди» [20, с. 48]. Аллюзивное обращение к духовному стиху о «Милосливой жене милосердной», повествующему о том, как Аллилуева жена спасает Иисуса от преследований Ирода, пожертвовав своим собственным сыном, который затем воскресает чудесным образом, наглядно демонстрирует духовное оскудение и надлом безблагодатного сознания, возвращенного тоталитарной идеологией.

Тематически близкая ситуация отражена в стихотворении Вяч. Иванова «Тебе завет, потомок мой...», пророчески предсказавшего падение веры и нашествие зверя. Единствен-

ный, Кто уберезет от погружения во тьму – это Младенец, которого необходимо спасти в своей душе. Однако, в отличие от поэта-символиста, обратившегося через годы к грядущим поколениям в императивном модусе и с надеждой, Т. Кибиров – гипотетический представитель этого поколения – в реальности приходит к глубоко пессимистическому выводу: «Надвигается полный конец! / Мы с тобой пропадем ни за грош». Иными словами, в эсхатологизме религиозно-поэтического сознания Т. Кибирова доминирует осознание конца времен, обозначенного гибелью коммунистической империи как цивилизации, однако в нем отсутствует ядро апокалипсиса – Страшный Суд как последняя надежда на справедливость и преображение мира. Это один из показателей отличия внеконфессионально-религиозного типа поэтического сознания, скажем, от традиционно-догматического, то есть верующего.

Список использованной литературы

1. Руднев В.П. Словарь культуры XX века / В.П. Руднев. – М.: Аграф, 1999. – 384 с.
2. Берг М. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе / М. Берг. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 352 с.
3. Эпштейн М. Постмодерн в России. Литература и теория / М. Эпштейн. – М.: Издание Р. Элинина, 2000. – 367 с.
4. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии) / Н.А. Бердяев. – М.: Книга, 1991. – 445 с.
5. Коммунизм // Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. – Мн.: Книжный дом, 2003. – С. 495–497.
6. Гройс Б. Искусство утопии / Б. Гройс. – М.: Художественный журнал, 2003. – 319 с.
7. Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе / И.А. Есаулов. – Петрозаводск: Изд. Петрозаводского университета, 1995. – 287 с.
8. Горичева Т. Христианство и современный мир / Т. Горичева. – СПб.: «Алетейя», 1996. – 297 с.
9. Бавильский Д. Заземление / Д. Бавильский // Литературное обозрение. – 1998. – № 1 – С. 20–23.
10. Общие места. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 100 с.
11. Кибиров Т. ...Правила игры (беседа с И. Кузнецовой) / Т. Кибиров // Вопросы литературы. – 1996. – № 14. – С. 214–219.
12. Богданова О. Постмодернизм в контексте современной русской литературы (60–90-е годы XX – начало XXI века) / О. Богданова. – СПб.: Филол. ф-т С.-Петербург. гос. ун-та, 2004. – 716 с.
13. Бавильский Д. Автономия настоящего / Д. Бавильский // Арион. – 1997. – № 4. – С. 68–73.
14. Скоропанова И. Русская постмодернистская литература: учеб. пособие / И. Скоропанова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 608 с.
15. Немзер А. Тимур из пушкинской команды / А. Немзер // Кто куда – а я в Россию. – М.: Время, 2001. – С. 5–28.
16. Ермолин Е. Слабое сердце / Е. Ермолин // Знамя. – 2001. – № 8. – С. 200–212.
17. Сеславина Е. ...И спокойно заниматься своим делом / Е. Сеславина // Дружба народов. – 1996. – № 7. – С. 167–174.
18. Кибиров Т. «Кто куда – а я в Россию...» / Сост. Т. Кибиров. – М.: Время, 2001. – 512 с.
19. Яковенко И.Г. Эсхатологическая компонента российской ментальности: связи, обусловленности, логика актуализации / И.Г. Яковенко // Кануны и рубежи. Типы пограничных эпох – типы пограничного сознания. В 2-х частях. Часть II. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – С. 149–163.
20. Кибиров Т.Ю. Сантименты / Восемь книг / Т.Ю. Кибиров. – Белгород: Риск, 1993. – 384 с.

У статті розглядається тип позаконфесійної релігійності, притаманний тоталітарній культурі, та його деконструкція в поезії Тимура Кібірова. Внаслідок аналізу зроблено висновок: разом з деконструкцією стереотипів і штамів масової свідомості, у релігійно-поетичній свідомості автора зафіксована культурна спадкоємність із російською духовною традицією, що проявляється на ідеологічному, тематичному, образно-семантичному рівнях, у жанровій «пам'яті» його творів.

Ключові слова: масова свідомість, позаконфесійна релігійність, деконструкція, христоцентризм, есхатологія, культурна спадкоємність.

The article deals with the type of nonconfessional religiousness inherent in totalitarian culture and its deconstruction in T. Kybirov's poetry. The analysis has shown that alongside with stereotypes and cliches of mass consciousness deconstruction the author's religious poetic consciousness has fixed cultural continuity with Russian spiritual tradition, which is displayed on the ideological and thematic levels, on the level of imagery semantics, in the genre "memory" of his works.

Key words: mass consciousness, nonconfessional religiousness, deconstruction, Christcentrism, eschatology, cultural continuity.

Надійшло до редакції 8.02.2011.